

Дьяконова Е. М.

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия; ediakonova@hse.ru)

«ПУТЬ ПОЭЗИИ» (УТА-НО МИТИ) В ТРАКТАТАХ МАСТЕРОВ «НАНИЗАННЫХ СТРОФ»

Аннотация: В статье анализируется трактат влиятельного средневекового поэта и мыслителя эпохи Муромати (1392–1568), буддийского монаха Синкэя под названием «Разговоры вполголоса» («Сасамэгото», 1463–1464). В этом трактате о диалогической поэзии «нанизанных строф» (*рэнга*) автор обращается к категории Пути (*мити*), или Пути поэзии (*ута-но мити*), которую он не только интерпретирует, опираясь на сочинения древнекитайских философов Конфуция, Лао-цзы, а также труды ранних японских дзэн-буддийских авторов, в частности Мудзю: Итиэн, автора «Собрания песка и камней» («Сясэкисю:», XIII в.), но и придает этому понятию оригинальное звучание. Путь в представлении Синкэя — это не только мастерство и совершенствование. Это совокупность множества разнородных вещей: всего корпуса художественных текстов, теоретических трактатов, школ, учителей и учеников, идеальных поэтов, направлений, стилей, языка, внутренней дисциплины, образа жизни, прошлого и современности.

Ключевые слова: японская поэзия, *рэнга* (нанизанные строфы), Синкэй, *Разговоры вполголоса* (*Сасамэгото*), Путь поэзии.

Dyakonova Elena

(A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, HSE University, Russia; ediakonova@hse.ru)

THE “WAY OF POETRY” (UTA-NO MICHI) IN THE TREATISES OF MASTERS OF “LINKED VERSE”

Abstract: The paper analyzes *Sasamegoto* (*Whispered Conversations*, 1463–1464), a treatise by Shinkei, the influential Buddhist poet and thinker of the Muromachi period (1392–1568). In this treatise on the collaborative poetry of “linked verse” (*renga*), the author addresses the category of the “Way” (*michi*) or the “Way of Poetry” (*uta-no michi*), which he interprets on the basis of ancient Chinese philosophers (Confucius and Lao Tze) and early Japanese authors of Zen school (e. g., Mujū Ichien, who wrote the *Shasekishū* — *The Collection of Sand and Rocks*, 13th century) and even endows it with a new meaning. In Shinkei’s view, the Way is not only mastery and its perfection. This is a sum total of many diverse things: the entire corpus of belles-lettres, theoretical treatises, schools, teachers and disciples, ideal poets, trends, styles, inner discipline, lifestyles, the past and the present.

Keywords: Japanese poetry, a treatise on poetry, *renga* genre (*stringed stanzas*), Shinkei, *Sasamegoto* (*Whispered Conversations*), the Way of *renga*.

Понятие «путь поэзии» (*ута-но мити*, 歌の道) окончательно сложилось применительно к поэзии «нанизанных строф» (*рэнга*, 連歌)¹ к XV в., когда выдающийся поэт и теоретик поэзии, монах секты Тэндай, наставник буддийского храма Дзю:дзю:синъин в киотосских горах Хигасияма Синкэй написал трактат «Разговоры вполголоса» («Сасамэгото», ささめごと、, 1463–1464). Трактат делится на две части: первая была написана в пятом месяце четвертого года Кансё: (1463) в храме Хатио:дзи в его родной деревне в провинции Кию (ныне префектура Вакаяма), где мастер пребывал в уединении и благочестивых размышлениях. Там он молился за мирное окончание военного похода патрона его храма *даймё*: Хатакэяма Масанага. Вторая часть — продолжение первой — была создана через год, в пятом месяце пятого года Кансё: (1464); в это время Хатакэяма Масанага был назначен сёгуном, а Синкэй перебрался в столичный храм Дзю:дзю:синъин. В Прологе автор отзываясь о себе уничижительно как о человеке несведущем, а свой текст называет слабым, ничтожным шепотом². Приведем также отрывок из колофона к популярному изданию памятника, написанного самим Синкэем: «В первые дни пятого месяца четвертого года Кансё:, когда я жил в уединении в храме в деревне Тай на острове Кюсю, несколько любителей *рэнга* обратились ко мне с настоятельной просьбой написать книгу правил, и мне было трудно им отказать. Нужно было торопиться, а писание мое так несовершенно, что эти два свитка заслуживают только беглого взгляда, а затем должны быть брошены в огонь. И все же, хотя они остро нуждаются в поправках, я представляю читателю эти несовершенные записки, как меня и просили» [5, с. 23]. Интересно, что некоторые вопросы, которые рассматриваются в первой части, вновь поднимаются во второй, но более углубленно.

По форме «Разговоры вполголоса» — это диалог между юным провинциальным поэтом, который задает вопросы, и мастером, дающим мудрые советы. Эта форма не только напоминает неявный обмен вопросами и ответами в поэзии *рэнга*, но и отсылает нас к источнику диалогических сочинений в дальневосточной традиции: к «Лунь Юй» Конфуция (論語, «Беседы и суждения», VI–V вв. до н. э.), чье влияние явственно сказалось на творчестве Синкэя. Молодой поэт высказывает тривиальные взгляды на поэзию, которые тогда исповедовали многие стихотворцы, как на искусство игры словами. Мудрый учитель опровергает это мнение, он видит в поэзии нечто большее.

У Синкэя были многочисленные предшественники, писавшие о поэзии жанра *рэнга*, начиная со времен Фудзивара-но Тэйка (XII–XIII вв.). Этот выдающийся

¹ *Рэнга* создается экспромтом двумя, тремя и более участниками на долгих поэтических собраниях; это длинный диалог, композиция из вопросов и ответов, иногда бесконечно долгая; известны «поэмы» *рэнга* в 10 тыс. слов, однако классической считается форма из 100 строф (百韻連歌, *хякуин рэнга*), которая подчиняется многочисленным трудноисполнимым правилам, изложенным в десятках трактатов.

² «Возможно, речи наши нестройны, бессвязны, но мы можем не бояться любопытных ушей за стенами, поскольку ведем всего лишь разговоры вполголоса, укрывшись под низким навесом из соломы». [1, с. 139]

ся поэт относил *рэнга* к разряду шуточной, комической поэзии. Позже усилиями многих влиятельных сочинителей и авторов трактатов на протяжении столетий строилась чрезвычайно сложная поэтика этого амебийного жанра. Трактаты, о которых мне уже приходилось писать, представляли собой обширный свод правил *рэнга* с примерами из известных поэтов, описание техники письма, анализ поэтической лексики, композиции; это по преимуществу учебники [1]. Трактат Синкэя — не собрание правил сложения стихов (*сикимоку*, 式目), оно ближе к жанру *дзуйхицу* (随筆, «вслед за кистью»), т. е. представляет слабо связанные между собой отрывки, либо, по мнению некоторых ученых, напоминает саму поэзию *рэнга*, которая представляет собой чередование трехстиший и двустиший, написанных разными авторами. Композиционно трактат устроен как цепочка вопросов и ответов о сути поэзии.

Синкэй не только описывает и анализирует поэзию эпохи Муромати (1392–1568), воссоздает на примере *рэнга* ее культурную историю, но также ясно артикулирует главную идею своего произведения: практика сочинения стихов, как и любое другое искусство или ремесло, формирует Путь (*мити*, 道). Путь — категория, возникшая в Китае в сочинениях древних философов [в частности, в сочинении мудреца VI-V вв. до н. э. Лао-цзы «Дао дэ цзин» («Книга Пути и Добродетели», 道德經、, VI в. до н. э.)], в «Лунь Юй» Конфуция. Буддизм создал категорию «Восьмеричный Путь», или «Благородный восьмеричный Путь» (санскр. *арья-аштанга-марга*), срединный путь Будды, единственно возможный способ избежать страдания и освобождения от сансары³. Позже понятие Пути отразилось во многих сочинениях японских мыслителей, например в «Собрании песка и камней» («Сясэкисю:», 砂石集, XIII в.)⁴ буддийского монаха Мудзю: Итиэн, в котором, в частности, рассматриваются возможности выбора жизненного пути: монаха, монаха в миру, отшельника, почитателя богов, воина и поэта, благо отшельничества, ухода от мира не ради почестей, а ради просветления⁵.

К началу эпохи Муромати эта категория, приняв облик *ута-но мити*, или *рэнга-но мити* (Путь поэзии, Путь *рэнга*), обрела, в понимании Синкэя, другое звучание как имеющая отношение к своду правил, обязательных к исполнению, заключенных в сочинениях мастеров поэзии прошлого и настоящего. Путь, по идее Синкэя, — это, кроме совершенствования мастерства, еще и институцио-

³ Сансара (блуждание, странствование) — центральное понятие в разных религиях, в частности в буддизме, означает круговорот рождения и смерти, обусловленный кармой, т. е. связью судьбы человека с воздаянием за дурные и хорошие поступки. Путь — это способ вырваться из череды превращений, из «сетей сансары».

⁴ «Собрание песка и камней» — образец буддийской прозы, важнейшее произведение японской религиозно-философской мысли XIII в., написанное буддийским монахом Мудзю: Итиэн, не причислявшим себя ни к одной школе буддизма; постриг принял в секте Тэндай. По-русски издано в переводе Н. Н. Трубниковой [3].

⁵ Насколько возможно, разнородные неявные цитаты Синкэя из названных выше источников были распознаны в переводе с опорой на комментарии известных японских ученых, например, Кидо: Сэйдзо; Имото Но:ити и др.

нально организованные школы поэзии, совокупность выдающихся мастеров и их учеников, компендиум поэтических текстов, заключающих в себе главные принципы *рэнга*, язык и стиль, идеальные образцы, история и традиции, современное состояние, вообще весь корпус поэтических текстов и трактатов о них. Совокупность всех этих понятий, сплавленных воедино, — ключ к пониманию, что такое Путь поэзии. Путь — это и поэтическая практика, где техническое совершенство само по себе — ничто, хотя и необходимо, а главное — это скорее способ понимания, проникновения и жесточайшая внутренняя дисциплина, которая держит вместе всю общность составных частей Пути. Синкэй полагает, что поэтическая практика тесно связана с типом жизни, простым, уединенным и независимым, с умалением себя вплоть до полного уничтожения себя и собственных произведений⁶, с внутренней дисциплиной, направленной на совершенствование, удаление от славы. Здесь ощущается связь со словами Конфуция: «Учитель сказал: не печалься, что люди не знают тебя. Печалься, что сам не знаешь людей» [3, с. 306]; «Учитель сказал: благородный муж не соперничает...» [3, с. 318] Эти максимы китайского философа отражены в неявной форме во многих пассажах трактата «Разговоры вполголоса».

Синкэй следует не только за конфуцианским, но и за даосским учением, особенно часто вторя без ссылок «Книге Пути и добродетели» Лао-цзы, который на Пути «предлагал не форсирование воли, не мобилизацию сил и умений, а достижение духовной раскрепощенности, или восполнения жизни, достигаемое через сбережение цельности» [2, с. 47]. Синкэй вторит некоторым положениям Лао-цзы, например в том, что «невозможно учиться Пути, надо измениться, тогда Путь откроется сам», что «бытие и Путь — это иное, только через Путь все сущее реализует себя» [2, с. 49].

Путь — совершенствование духовное и телесное, не поддается «тренировке», это «высвобождение духа и тела», это «возможность глазами видеть, как они видят, ушам слышать, как они слышат» [5, с. 127].

Ко времени появления трактата Синкэя 100-строфная *рэнга* (*хякуин рэнга*, 百韻連歌) существовала уже на протяжении 250 лет, начиная с эпохи Камакура (1186–1333). Усилиями мастера *рэнга* Дзэнъя и его учеников Дзюнкаку и Синсё: в конце периода Камакура были выработаны композиционные и лексические правила, соединяющие и разделяющие 14-сложные и 17-сложные строфы. После императора Дзюнтoku наиболее значительный свод правил написали прославленный поэт, глава поэтической школы Нидзё: — Нидзё: Ёсимото (1320–1388 гг.) — и его наставник, первый крупный поэт *рэнга* Гусай (или Кю:сэй, 1282–1376 гг.); оба — деятели эпохи Намбокутё: (1336–1392). Они сочиняли компендиум «О:ан

⁶ Из «Разговоров вполголоса»: «Говорят, когда конец законоучителя Кё:ин был близок, он выбросил все свои стихи и рукописи — все, что он написал до тех пор, — и зарыл за своей старой хижинкой в Фудзимото в горах Хигасияма... Также законоучитель Но:ин: о нем мы слышали, что и он перед смертью зарыл в землю собрание всех своих стихотворений в местечке Кособэ. Ясно, что эти поэты не льстили себя надеждой, что будущие сочинители оценят их произведения. Это поистине печально» [1, с. 127].

синсики» (応安新式, «Новые правила эры О:ан», 1372 г.) — другое название «Рэнга синсики» (連歌新式, «Новый свод правил *рэнга*») на протяжении 25 лет. Он служил учебником и справочником для сочинителей *рэнга* и для судей поэтических турниров. Сочинение *рэнга* становилось все популярнее, требовались все более детализированные правила, они значительно усложнялись. Текст Нидзё: Ёсимото и Гусая был открытым — это было большое новшество: и сами авторы, и другие поэты дополняли и продолжали писать «Новый свод правил *рэнга*» на протяжении многих десятков лет. Нидзё: Ёсимото на протяжении всей жизни прибавлял новые главы к своему компендиуму.

Важную роль в становлении окончательного свода законов *рэнга* сыграл знаменитый внук Нидзё: Ёсимото — Итидзё: Канэра, написавший труд «Рэндзю: гаппэки сю:» (1476 (?)). Этот амбициозный человек, канцлер, регент, учитель поэзии при сёгуне, советник императора, обладатель обширнейшей библиотеки во всем стремился превзойти своего прославленного деда Нидзё: Ёсимото. Канэра вписал в трактат Ёсимото свой труд «Синсики кинъан» (新式近案, «Нынешнее пояснение к новым правилам», 1452) как приложение или дополнение.

Наиболее известное сочинение по теории *рэнга* — это труд «Рэнга синсики цуйка нараби ни синсики кинъан то:» (連歌新式追加並びに近案等、, «Новый свод правил *рэнга* наряду с дополнением нынешнего пояснения к Новым правилам и другим сочинениям», 1501 г.), сокращенно «Рэнга синсики». В него были включены труды предшественников, его собрал и закончил буддийский монах Сё:хаку⁷ (1443–1527), ученик лучшего поэта *рэнга* Со:ги (1421–1502), монаха секты Риндзай, отшельника, автора трактатов, стихов и путевого дневника.

Синкэй писал в свитке «История *рэнга*», что период творчества Ёсимото и Гусая в эпоху Намбокутё: (1336–1392) означал расцвет *рэнга* и рождение «серьезной» или «одухотворенной» *рэнга* (син *рэнга*, 心連歌)⁸, однако через 40–50 лет после кончины этих мастеров поэзия стала угасать. По его мнению, в начале периода Муромати и во времена самого Синкэя поэзия испытывала глубокий кризис. В этом он винит появление огромного количества учителей *рэнга* (*рэнгаси*, 連歌師), самозванных «монахов» в рясах, мало осведомленных в поэзии, которые преподавали в собственных «школах» по всей Японии, в имениях *даймё*., в храмах и на улицах, проповедовали поэтические принципы среди людей необразованных. Сочинение *рэнга* на поэтических состязаниях оказалось весьма популярным занятием, но победа присуждалась наиболее умелым и остроумным версификаторам, а не истинным поэтам, а также тем, кто сможет написать наибольшее количество строф за одну сессию. В этом, видимо, причина того, что Синкэй в трактате ничего не говорит о правилах сложения стихов — они давно

⁷ Сё:хаку (1443–1527) — буддийский монах аристократического происхождения, паломник, поэт *рэнга* и *вака*, его литературное имя — Ботангэ («Цвет пиона»), он жил одиноким отшельником в хижине в горах провинции Сэтцу.

⁸ В противоположность *мусин рэнга* (шуточная *рэнга*, букв. *рэнга* «без сердца», 無心連歌).

подробно расписаны в десятках сочинений, — а сосредотачивается на более общих вопросах понимания категории Пути, на истории жанра *рэнга* и на его связи с классическими *вака* (和歌). Синкэй пишет о Семерых великих мудрецах *рэнга* (*рэнга ситикэн*, 連歌七軒) и называет идеальной антологию «Новое собрание старых и новых японских песен» («Синкокинвакасю:», 新古今和歌集, XIII в.), составленную Фудзивара-но Тэйка. Именно изучая это выдающееся произведение, можно нащупать истинный Путь поэзии (*макото-но мити*, 真の道), считает он.

Произведение Синкэя пронизано буддийскими идеями Пути, но в его особенной интерпретации. Например, оригинально его сравнение кольцевой композиции *рэнга*, диалога поэтов с открытым концом, с буддийским понятием колеса как прообраза мира (*риннэ*, 輪廻). Это яркий пример проникновения буддийских представлений в поэзию. Путь в представлении Синкэя связан с десятью добродетелями, их необходимо культивировать в себе, чтобы не только придерживаться правильного Пути, но и создавать свой. Он апеллирует, как всегда, к авторитету древних, не уточняя источник. В 61 свитке сказано: «В древних записях сказано: тот не станет мудрецом на Пути, кто лишен десяти достоинств — ума, искусства в письме, дисциплины, преданности Пути, не имеет просветленного наставника, спокойной сосредоточенности, старости, высокого положения. Идеальных людей не бывает, чего-то одного всегда недостает. Потому-то и говорят, что мудрец является в мир раз в столетие, а святой — и вовсе раз в тысячу лет. Вряд ли возможно, чтобы под нашим небом или в заморье родился мудрец на Пути поэзии»⁹ [5, с. 200].

Рисуя портрет идеального поэта, Синкэй принимает во внимание важнейшие Десять сокровищ Закона Будды, десять добродетелей (*дзиттоку*, 仏法十得), или десять заповедей на Пути *рэнга* (*рэнга дзиттоку*, 連歌十得), без которых невозможно стать мастером на Пути поэзии: «Десять заповедей на Пути поэзии: вера, установления, умаление, покаяние, учение, мудрость, отречение [от мирского]» [5, с. 204]. Затем Синкэй называет «Семь воров на Пути поэзии: пьянство, праздная дрёма, пустословие, стяжательство, несдержанность в речах, самоуверенность» [5, с. 203–204].

Синкэй высоко ценил сочинение *рэнга*, сравнивал его с творением молитвы, с постижением радости благочестивой жизни, с жертвенными представлениями перед храмом (*хо:раку*, 法楽). Категория *хо:раку* относится к раннему соприкосновению *рэнга* с поклонением синтоистскому богу литературы и учения Тэнмандзин (обожествленному поэту эпохи Хэйан Сугавара-но Митидзанэ, 845–903). Состязания *рэнга* на протяжении столетий проходили «под цветами» (花の下, т. е. весной) в головном храме Тэнмангу: в Киото. Они носили ритуальный характер, проводились ради «усмирения цветов», поскольку время цветения умэ и сакуры было часто связано с появлением поветрий. Здесь сказался синто-буддийский синкретизм воззрений Синкэя.

⁹ Переводы текстов Синкэя выполнены по изданиям [5, 7].

Путь представляется ему не только совокупностью людей, текстов и добродетелей: он тесно связан с буддийским учением и монашеской практикой. «Путь поэзии сроден Великой пустоте: он ни к чему не стремится, тем паче к избыточности» [5, с. 199].

Путь — трудноуловим: «Видеть, но не постигать умом — это словно водить кистью по льду или рисовать на водной глади» [5, с. 201].

Говоря о трудностях воспитания идеального ученика, Синкэй высказывает мнение о необходимом соотношении мастерства Учителя и способности ученика к творчеству: «На Пути поэзии, как и в Законе Будды, никчемным душам не преуспеть, даже ясная мудрость древних, явленная в старинных книгах, таким не подмога. Сумеют ли скрытые способности проявиться сполна? — в этом суть. Свет от древних изборников проникает века, словно бесстрастные лучи небес, но достанет ли его, дабы возжечь сырой хворост незрелого ума? Последователям Будды известно давно, что и пробудившийся ум далеко не всегда способен впитать Учение... “Остановитесь! — требует Будда, — прекратите! Разве так донесете вы истину! В своей неизреченности Дхарма с трудом постижима”» [5, с. 206].

Синкэй полагает, что человек низменного, тривиального ума не может ничего получить от самого великого мастера: «Случается, мудрому отцу наследует сын-глупец; бывает, мудрый наставник проникает к самому костяку стиха, а ученик бессилён идти вослед. Коротки утиные ножки — не удлинить; длинные журавлиные ноги — без боли не укоротишь. Мудрец, опустошив свое сознание, напитывается чужим умом; лишенный языка, он присваивает чужие речи. Извлеченными из себя именованиями и словесами направляет и наставляет чуткие души» [5, с. 199–201].

Необычайная насыщенность и глубина знаний Синкэя очевидна, он впитывал в себя тексты разных религий: конфуцианства, даосизма, буддизма; литературные источники — классическую китайскую и японскую поэзию. Сочинение устроено таким образом, что почти за каждым высказыванием автора стоит цитата из сочинений мудреца, поэта, отшельника прежних времен. Таким образом, текст трактата — мозаика чужих мыслей, из которых он, как из пластилина, лепит собственные продуманные и прочувствованные идеи. Текст «Разговоров вполголоса» интертекстуален в самом прямом смысле этого слова: он вобрал в себя множество источников, из цитат Синкэй искусно плетет ткань собственного повествования.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹⁰

Для ознакомления читателя с поэзией *рэнга* ниже приводится начальный фрагмент из стострофной поэмы «Сто строф, сочиненных тремя поэтами на горе Юяма» («Юяма сангин хякуин», 湯山三吟百韻) с комментариями. Авторы *рэнга* Сё:хаку, Со:ги, Сотё:.

¹⁰ Переводы в Приложении выполнены по изданию [6].

Начальное трехстишие в 17 слогов (хокку, 発句):

薄雪にこの葉色濃き山路かな
 Под тонким слоем снега
 Эти разноцветные листья
 На горной тропе.
 Сё:хаку

Это хокку Со:ги предоставил сочинить своему ученику Сё:хаку, хотя это было нарушением правил — первое стихотворение в *рэнга* полагалось сочинять учителю. Зима (а десятая луна — это зимний месяц по лунному календарю) представлена словами «тонкий слой снега» (*усуюки*) и «эти листья» (*коно ха*). Горная местность Арима, где находится Юяма, обозначена одним штрихом — это «горная тропа» (*ямадзи*). Комментаторы единодушно приводят в качестве первоисточника этой строфы *вака* известного поэта Оэ-но Масафусы (?) (1041–1111). Почти каждая строфа в *рэнга* должна быть отзвуком известного стихотворения в жанре *танка* из классических антологий.

奥山の岩垣紅葉場落りはたて朽ち葉が上に雪ぞ積もれる
 Далеко в горах
 За каменной преградой
 Опали красные клены,
 На листья увядшие
 Сверху выпал снежок.

Вторая строфа в 14 слогов (*ваки*, 脇)¹¹, которая, если руководствоваться старинными поэтиками, должна по красоте и выразительности уступать *хокку*¹²:

岩本薄冬やなおみん
 Ковыль у подножья скалы
 Зима еще более прекрасна.
 Со:тё:

Комментатор Идзита Тэцуо [4, с.267] пишет, что Со:тё: усиливает связь между строфами тем, что употребляет в *ваки* слово *суюки* «ковыль», которое похоже по звучанию на слово *усуи* в сочетании *усуи юки* («тонкий снег»): *усуи юки* — *суюки*; иероглиф «скала» в сочетании *ивамото* (岩本, «подножие скалы») пишется так же, как слово *ива* (岩) в сочетании *ивагаки* (岩垣, «каменная преграда») в *танка* Оэ-но Масафусы (?), «прообразе» этой строки *рэнга*. Таким образом, *ваки* связывается с *хокку* только по смыслу, но и графически и фонетически через посредство стихотворения, принадлежащего другой традиции и другому

¹¹ Канэко Киндзиро пишет, например, что *ваки* должен относиться к *хокку*, как хозяин к гостю.

¹² Комментатор *рэнга* (под его редакцией вышел том «Антологии *рэнга*» в «Полном собрании сочинений японской литературы») Идзита Тэцуо считает, что ковыль, растущий у подножия скалы, — это деталь к более общей картине, которая дается в *хокку*. Таким образом, связь между *хокку* и *ваки* осуществляется через большую детализацию — перенос взгляда с широкой картины на ее небольшой фрагмент [6, с. 267].

жанру, которое находится вне текста *рэнга*, скорее в его подтексте. Это очень сложный тип связи, который нередко практикуется в «связанных строфах».

Комментаторы называют еще одно стихотворение, которое служит «прообразом» вышеприведенного двустушия *ваки*, это анонимная *танка* из антологии X в. «Собрание старых и новых песен Японии» («Кокинвакасю»; 古今和歌集) под номером 318.

今よりつぎてふらなむ我が宿の薄おしなみふれる白雪
С этой минуты
Пусть падает, не переставая,
У дома моего,
Нагибая ковыль,
Пеленой белый снег.

Литература

1. Дьяконова Е. М. Правила сложения *рэнга*, изложенные в трактатах Сё:хаку «Свод правил *рэнга*» («Рэнга синсики», 1501) и Синкэй «Шепот» («Сасамэгото», 1463–1464) // Интернет-журнал «Японские исследования». 2020. № 1. С. 31–148.
2. Малявин В. В. Книга о Пути жизни Лао-Цзы. Дао-Де цзин. М.: АСТ, 2018.
3. Переломов Л. С. «Лунь юй». М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.
4. Трубникова Н. Н. «Собрание песка и камней» в истории японской философской мысли. Т. 1–2. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
5. Рэнгаронсю; Хайронсю; / Кидо: Сайдзо; Имото Но:ити хэн // Нихон котэн бунгаку тайкэй. [Трактаты по *рэнга* и *хайку* / под ред. Кидо: Сайдзо; Имото Но:ити // Полное собрание японской классической литературы. Т. 66.] Токио: Иванами сётэн, 1961.
6. Рэнгасю; / Идзита Тэцуо хэн // Нихон котэн бунгаку тайкэй. [Собрания поэзии *рэнга* / под ред. Идзита Тэцуо // Полное собрание японской классической литературы. Т. 35.] Токио: Иванами сётэн. 1968.
7. Рэнгарон сю; Ногакурон сю; Хайрон сю; / Хорикири Минору, Фукумото Итиро, Окуда Исао, Омотэ Акира хэн. [Собрание сочинений по теории *рэнга*, театра Но и *хайку* / под ред. Хорикири Минору и др.] Токио: Сёгаккан, 2001.

References

1. Dyakonova E. M. The Rules of Renga in the Treatises by Shyōhaku “New Compendium of Renga” (Renga Shinshiki, 1501) and Shinkei “Murmured Conversations” (Sasamegato, 1463–1464). *Japanese Studies in Russia*. 2020. No. 1. P. 31–148. (In Russian)
2. Maliavin V. V. *The Book of the Way and Life. Dao De Jing*. Moscow, AST Publ., 2018. (In Russian)
3. Perelomov L. S. “Lun’ Yui”. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2000. (In Russian)
4. Trubnikova N. N. “Collection of Sand and Stones” in the History of Japanese Philosophical Thought. Vol. 1–2. Moscow, Centre for Initiative in Humanities. 2017. (In Russian)
5. Treatises on Renga and Haiku / ed. by Kidō Saizō, Imoto Nōichi. *Full Collection of Classical Japanese Literature*, vol. 66. Tokyo, Iwanami syoten, 1961. (In Japanese)
6. Anthologies of Renga / ed. by Ijichi Tetsuo. *Full Collection of Classical Japanese Literature*, vol. 66. Tokyo, Iwanami syoten, 1968. (In Japanese)
7. Anthologies of Treatises for Renga, Nō and Haiku / ed. by Horikiri Minoru et al. Tokyo, Syogakukan, 2001. (In Japanese)